

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ЯЗЫКА СОЛЖЕНИЦЫНА

*by Vera Carpovich**
Vassar College

Эта статья не претендует на оценку языка Солженицына. Для этого время еще не настало. Здесь описаны только некоторые особенности его языка, с которыми мне пришлось встретиться в процессе двухлетней работы над этой темой.

Русские за границей писали и пишут про язык Солженицына разное. Некоторые находят, что его «язык... свеж и разнообразен, ... сверкает замечательными находками и неожиданными оборотами»; считают, что «Солженицын пишет языком живым, своеобразным, но чисто русским». Другие находят язык его, по крайней мере в некоторых произведениях, «вычурным, манерным, трудным», обвиняют его в «неудачных слововыдумках, неуместных диалектизмах, неприятных вульгаризмах», в «словесной толчее, ... словофокусах» и т. п. Есть много промежуточных мнений. Нередко читатели жалуются на то, что они «не понимают» кое-какие места у Солженицына.

По иронии судьбы, язык Солженицына оценивается и критикуется не подсоветским читателем, для которого все произведения Солженицына написаны, а эмигрантским читателем, мало знакомым или незнакомым со многими важными чертами подсоветской жизни и мышления. К тому же средний эмигрантский двуязычный или трехязычный читатель не так уж остро чувствует тонкости исконного русского языка. Эти обстоятельства, а также довольно большое количество специальных терминов и выражений (медицинских, радиотехнических, тюремно-лагерных и военных), иногда затрудняют понимание текстов Солженицына рядовым читателем.

Положение осложняется еще тем, что Солженицыну иногда приписывают словопроизводство, в котором он вовсе не повинен.

*VERA CARPOVICH teaches Russian Language and Literature at Vassar College. She is co-author of the *Russian-English Chemical Dictionary*.

Много ли читателей знают, что следующие слова (употребленные Солженицыным) входят в состав русского литературного языка и имеются в нормативных академических словарях (4-томный и 17-томный словари АН СССР): булга, вгорячах, глум, догляд, догон, закол, закуржаветь, заулок, захолонуть, знобко, зорный, курячий, мельтешить, небречь, невдолге, нещечко, обзавод, одвуконь, одночасье, озреться, оклематься, отпятить, охолонуть, переблеск, передых, подтоп, покатом, прилик, продух, прозор, пятаина, сбочь, сидор, сохран, спех, сплотка, сушник, торока, трегубый, уваливать, увязить, угадка, укорно, утесняться, утрафить, ходá, чкнуть, чудок. Правда, некоторые из этих слов отмечены как просторечные или устарелые, но они употреблялись другими авторами и поэтому отнесены к литературному языку.

Общеизвестно, что Солженицын отличается от других современных писателей своей лексикой и складом речи. То и другое было довольно подробно обсуждено писателем в его статье «Необычай дегтем щи белить, на то сметана».¹ Статья эта программная. Все произведения Солженицына (кроме «западной» пьесы «Свеча на ветру») написаны в соответствии с изложенными в этой статье возможностями обогащения литературного языка за счет народного (т. е. просторечного и диалектного). Необходимость обогащения Солженицын мотивирует тем, что «словарный запас устной речи, хотя и переполняется множеством терминов науки и техники и преходящим жаргоном, ... скудеет»; что «Наша письменная речь ... пострадала: и в своем словарном запасе, и грамматическом строе, и, самое главное, в складе. Словарный запас неуклонно тощал ...»

Обеднение языка в наши дни Солженицын объясняет тем, что «еще с петровских времен» русская речь пострадала «то от насильственной властной ломки, то под перьями образованного сословия, думавшего по-французски, то от резвости переводчика, то от торопливости пиццующих ...» Это, конечно, все что Солженицын в подцензурных условиях мог сказать. О сугубых причинах обеднения языка за последние 50 лет пришлось умолчать. Между тем причины эти явны, и Солженицын не может их не знать. Трудно ожидать, что богатый язык удержится в системе, где жизнь подавляющего большинства людей сведена к формуле работать-есть-спать и снова работать при нищенском материальном уровне. Целые области человеческой культуры, делающие жизнь содержательной и интересной в свободных странах, попросту исключены.

Нет политической жизни, с разными борющимися партиями, с

¹Литературная газета, 4 ноября 1965 г.

предвыборными кампаниями, с состязанием кандидатов и критикой их программ; нет прений в Верховном Совете и парламентских процессов. Вся сложная машина открытого управления страной отсутствует. Лишь некоторые результаты тайных решений кратко публикуются в виде стандартных формул и иногда «обсуждаются» в заданных рамках в заранее подготовленных казенных штампах.

Нет свободной религиозной жизни, частных обществ, ассоциаций, клубов. Нет огромного комплекса понятий связанных со сколько-нибудь значительной частной собственностью. Советская цензура парализует огромную область гуманитарных наук и делает ее убогой и бесцветной.

Целые слои общества (средний класс, зажиточные люди), целые сословия (духовенство, купечество), свободные профессии, нормальные для любой страны, отсутствуют в СССР. Как известно, советский период истории России характеризуется массовым уничтожением русской интеллигенции, «капиталистов», духовенства, купечества, офицерства, зажиточных крестьян и др. С людьми умер их язык.

Духовная бедность и материальное убожество подсоветской жизни естественно привели к обеднению словарный состав современного русского языка. Прав, И. А. Бодуэн де Куртенэ, говоря в Предисловии к новому, исправленному и дополненному изданию Словаря Даля, что словарный состав языка прежде всего отражает действительную жизнь данного народа.

Однако, надо признать, что современный русский язык все же несколько «обогатился» за счет словечек и выражений, отражающих подсоветский быт: «стоять за хлебом», «что дают?», «достать», «по-блату», «авоська», «уплотнение жилплощади», «вселение», «места общего пользования», «коммунальная квартира» и др.

В этих условиях задача Солженицына понятна: он хочет помочь «вернуть в язык» многие утраченные слова и обороты; также хочет «выправить склад нашей письменной (авторской) речи так, чтоб вернуть ей разговорную народную легкость и свободу».²

Обращение к Толковому Словарю Живого Великорусского Языка Владимира Даля как к источнику народного языка, было бы естественным при любых условиях. Солженицыну же, как будто помог случай: он обнаружил словарь Даля в лагере, где он работал «чернорабочим, каменщиком, литейщиком». Словарь этот он, повидимому, изучал в течение 1950-52 гг., как свидетельствует Б. В. Бурковский, работавший вместе с ним в лагере:

²«Не обычай...», там же.

«он часто лежал на нарах, читал затрепанный том словаря Даля и записывал что-то в большую тетрадь».³ Можно представить себе с каким рвением накинулся на словарь Даля в лагерных условиях молодой человек, всю жизнь мечтавший стать писателем! Один из героев Солженицына упоминает, что он имел в лагере «Толковый словарь Даля... издания 1881 года»;⁴ звучит автобиографично.

В самом стремлении Солженицына включать народный язык в литературный нет ничего нового: этим занимались Кантемир, Ломоносов, Василий Майков, Фонвизин, Державин, Крылов, Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Лесков, Мельников-Печерский, Салтыков-Щедрин и многие другие писатели. Вот что пишет В. И. Чернышев: «За последнее столетие в составе нашей литературной лексики произошел огромный сдвиг в сторону расширения литературного языка за счет просторечия и языка областных говоров; но при этом сдвиге не сломилась традиционно-книжная основа языка; все время в русском литературном языке, при воздействии диалектов и просторечия и при пользовании ими шел отбор и разбор просторечных и областных элементов, определялось их стилистическое место, их смысловая и художественная ценность.»⁵

У Солженицына в этом деле можно отметить две особенности: 1. Он не только «подслушивает и записывает характерные словечки»,⁶ но годами живет в среде людей, чей язык он употребляет (военные, зэки, инженеры в «шарашке», медперсонал); он смело вводит в свои произведения значительное количество специальных терминов;

2. Как человек точного мышления, физико-математик по образованию, он составляет некую систему обогащения литературного языка и разрабатывает свой язык в соответствии с этой системой.

Солженицын также не отличается от многих своих предшественников (Ломоносов, Сумароков, Фонвизин, Державин, поздний Карамзин, Аксаков, Пушкин, Толстой) в его стремлении по возможности обходиться без иностранных слов. Наводнение языка варваризмами процветает в СССР и по сей день. Словарь «Новые слова и значения» изданный в 1971 году и составленный

³Известия, 15 января 1964.

⁴В круге первом, с. 494.

⁵В. И. Чернышев, *Избранные труды*, т. 1, М, 1970, с. 356.

⁶«Современный писатель-художник, дающий типы и отмежевывающий себе какую-нибудь в литературе специальность (ну, выставлять купцов, мужиков и пр.) обыкновенно ходит всю жизнь с карандашом и тетрадочкой, подслушивает и записывает характерные словечки»; Ф. М. Достоевский, *Дневник писателя за 1873 г.*, *Собр. соч.*, т. XI, с. 90.

работниками Института русского языка АН СССР «содержит около 3500 новых, не вошедших в толковые словари русского литературного языка слов и значений, которые появились в 50—60-е годы XX века или несколько ранее».⁷ В этом словаре имеется лишь около 750 чисто русских слов (т. е. 21 %); остальные — частично или целиком иностранного происхождения. Согласно этому словарю в советском обиходе имеются такие словечки: гандболист(ка), гидесса, гидронавт, гляциолог, дебил, джинсы, дизайнер, донкерман, дриблинг, каноист, кар, карт, кэмпинг, кляссер, кордовик, коррумтировать, крекер, кролистка, круиз, кэтчист, минискёрт, паблисити, пестициды, плейбой, поп-арт, ралли, реслинг, скеннер, спидвей, спуртовать, стриптиз. Как пишет Солженицын, «наталкивали без удержу иностранных слов... часто никчёмных». По отношению к заимствованиям с западноевропейских языков Солженицын держится (как Пушкин, Толстой) умеренного курса: принимает обрусевшие и необходимые слова (энергия, нерв, процесс, диалог, проблема, профиль, футбол, хирург) и отвергает ненужные слова, включая псевдонаучную фразеологию, которой увы, страдают многие советские ученые. Еще Пушкин в письме к И. В. Киреевскому (от 4 января 1832 г.) просил избегать заимствованных «ученых терминов» и стараться «их переводить, т.е. перефразировать: это будет и приятно неучам и полезно нашему младенчеству языку».

Солженицын старается также показать, что он не впадает в другую крайность — чрезмерное славянофильство. Один из его персонажей (Сологдин «В круге первом»), тщательно выбрасывая все иностранные слова, говорит «языком предельной ясности»: копировщица у него — «прозрачно-обводчица», инженер — «зиждатель», штрафной — «пеновой», история — «бытийное время», фактически — «вещно», сфера — «ошарие». Карикатурность такого языка очевидна.

Ниже даны примеры некоторых особенностей языка Солженицына, классифицированные по грамматическим категориям. *Существительные.* Подавляющее большинство существительных, которые можно отнести к особенностям языка Солженицына — это просторечие и диалектизмы, взятые из словаря Даля; иногда очевидные словообразования; словотворчество сведено к минимуму.

К далевским относятся такие слова как битвище (поле битвы), вытока (тип тканья), допитие (от допить), косохлёт (косой дождь), на́смотр (бдение), плошак (склонный к ошибкам чело-

⁷Новые слова и значения, под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, изд-во Советская энциклопедия, М., 1971.

век), разведёнка (разводка), темнедь (тьма), щипоноска (пенснэ) и мн. др.

Образовано довольно много слов, несущих какой-нибудь более точный или эмоциональный оттенок, нужный автору в конкретном случае — уменьшительные, увеличительные, ласкательные, пренебрежительные, расширяющие значение, и т. п.: ветрюган, взрывок, гравинка (частица гравия), гремёж, грязюка, гулок (от слова гул), духотище, житёнка, звезданька, игринка (по типу искринка), иоточка, крупья (крупные комья), мглица (легкая мгла), морозяка (неприятный мороз), отчаюга (отчаянный человек), польце (малое поле), разбитняга (разбитной парень), рубляшка (рубль), слабак (слабый человек), солдыга (солдат), страшок (малый страх), територка (малая территория), церковушка, черняшка (черный хлеб), черпачище, шоферяне (шофера).

Некоторые новые существительные образованы при помощи суффиксации от других частей речи или от основных существительных: гадство (гадкое поведение), добычник (от добыча), коекакство, куряка (курильщик), надымь (от надымить, но типу наледь), незамечание (игнорирование), неуступка (от не уступать), отструек (от отструиваться), потяжка (от потягивание), проглядчивость (от проглядывать), топталовка (от топтать), ужатость (от ужатый, ужать). В этой группе образований довольно часты существительные на —ость и —изна образованные от прилагательных: ледянность, небыстрость, несдвигность, мертвизна, первизна, рыжизна, неживость, замаранность, неунывность, оскорузлость.

Префиксальным способом образованы некоторые новые существительные: безголос, безднёвщина, безопорность, задорога (по типу заграницы), преддыхание, предокраска, призвон, призелень, призолота, присвет.

Сочетанием двух слов образованы новые сложные существительные: главномешающий (по типу главнокомандующий), глубокотайность, головоломание, самобродность, самовыстиление, самозарожденность, своемудрие, скоробег, слезоговорение, тяжелоступ. Весьма редки у Солженицына образования сложносоставных слов. Можно привести только три примера: кукло-люди, дождь-проливняк, еще-не-бородка.

Солженицын избегает длинных «на немецкий лад» отглагольных существительных среднего рода; он предпочитает «краткие, сильные, поворотливые»⁸ слова мужского и женского рода. Примеры: беспокой (вместо беспокойство), выполз (выползание),

⁸«Не обычай...».

вскид (вскидывание), грев (согревание), загляд (заглядывание), запад (западание), ков (ковка, кование), настава (наставление), обвар (результат обваривания), обсох (обсыхание), обтаск (обтаскивание), опуск (опускание), передвиг (передвигание), перепрыг (перепрыгивание), перетаск (перетаскивание), поблеск (поблескивание), подкрадка (подкрадывание), постук (постукивание), потяг (потягивание), продув (продувание), прощуп (прощупывание), размин (разминание), сощур (сощуривание), укрыв (укрывание).

Фонетические диалектизмы у Солженицына встречаются довольно редко и только в прямой речи: иногда они логичные, иногда совсем несуразные: выковыренные (эвакуированные), дуель (от «дует» ветер), кокос (кокс), порция («порча»), сташ (стаж), призидим (президиум), разведка (розетка). *Парезия*. Солженицын считает, что «оставалась втуне и чисто русская свобода образования наречий, в которых таится главный задаток краткости нашего языка».⁹ Около 200 наречий, отсутствующих в нормативных словарях русского литературного языка, дает Солженицын в своих произведениях. Многие из них взяты из словаря Даля. Например: айдаком (верхом без седла), безотдарно (безвозвратно), внагон (вдогонку), гоном (погоняя лошадь, верхом), горячечно (как в горячке), ежедён (ежедневно), налогом (налегая на что-нибудь), несручно (не с руки), обапол (попусту, напрасно), обневолю (неволью, поневоле), обоюдком (вдвоём), очудело (изумлённо-испуганно), пота́ (до того места), скорохватом (бойко, проворно), спохвatically (внезапно, ни с чего), украдом (тайком).

Многие наречия образованы Солженицыным от прилагательных и страдательных причастий посредством суффикса -о или из предложно-падежных конструкций прилагательных: боевито (бойко, энергично), возносчиво (повидимому, вознося молитву к Богу), безунывно (не унывая), бесколебно (без колебаний), змеемудро (мудро как змием придумано), медно (как медь), налиvisto (наливаясь, накипая какими-то чувствами), неоплошно (безошибочно), неотгонно (невозможно отогнать, в мыслях), неохватно (невозможно охватить), неулежно (неудобно лежать), неуставно (не по уставу), остроглазо (острыми глазами, острым взлядом), приказно (в качестве приказа), роково (роковым образом), спотычливо (легко споткнуться), наоткрыте (на открытом месте), невскоре (гораздо позже), изнедалека (из места находящегося недалеко), отлева (слева от), отправа (справа от), попозну (поздно вечером) и т. д.

⁹Там же.

В образовании новых наречий Солженицын нередко использует предложно-падежные формы существительных, например: *взахлёб* (захлебываясь), *вперекрест* (перекрещиваясь), *вползеле-ни* (наполовину зеленые), *вразнокап* (смочен разными отдельными каплями, об одежде), *нарастяг* (растягивая, например слова), *невпродёр* (невозможно пробраться, о кустарнике), *вприлепку* (прилепившись), и т. д.

Глаголы. Несколько групп глаголов могут быть отнесены к особенностям языка Солженицына.

1. Автор широко пользуется глаголами народной лексики из словаря Даля в своих произведениях. Например: *болезнавать* (сожалеть), *взвopить*, *воспитывать* (кормить), *дотаить* (скрывать до срока), *изгаляться* (насмехаться), *мухлевать* (плутовать), *обопнуться* (опреться ногами), *отменяться* (отличаться), *переклониться* (наклониться), *расщуриться* (противоположно прищуриться).

2. В своих сказовых произведениях, в диалогической речи, Солженицын вводит просторечные, устарелые или диалектные глаголы, как *бечь* (бежать), *буркотеть* (ворчать), *вжакнуть* (ударить, попасть), *долбать* (долбить), *забарахлить* (испортиться), *заначить* (присвоить), *подсавывать* (подсовывать), *скурвиться* (стать проституткой), *тошновать* (тосковать), *хоц-ца* (хочется).

3. Солженицынское «преображение глаголов приставками»¹⁰: *вговаривать* (внушать, убеждать), *вознадобиться* (понадобиться), *вытарчивать* (торчать наружу), *вышумливать* (шумно высказываться), *довидеть* (заметить), *доосмыслить* (уразуметь до конца), *занадорваться* (начать надрываться), *заперемяться* (начать переминаться), *испереполошиться* (окончательно переполошиться), *обминуть* (обойти), *обтронуть* (обойти трогая), *опрыгать* (обойти прыгая), *отпугаться* (кончить пугаться), *охлынуть* (нахлынуть со всех сторон), *помаливаться* (молиться изредка), *приспрашиваться* (начинать расспрашивать), *прокликаться* (пробираться и кликать), *расплотиться* (разойтись), *сокоснуться* (соприкоснуться).

4. Несколько глаголов произведены Солженицыным от существительных, прилагательных и наречий: *молчать* (становиться более молчаливым), *опрозрачнеть*, *громчать*, *добычничать*, *дружественеть*, *лучшеть*, *менеть* (уменьшаться), *пасмурнеть*, *поделоветь*, *посочнеть*, *росеть* и др.

5. В нескольких случаях Солженицын образует несовершенный вид от общеизвестного совершенного: *застанывать*, *изморять*, *пригожаться*, *приласкиваться*, *примелькиваться*, *приючать*; и на-

¹⁰«Не обычай...», там же.

оборот — совершенный вид от общеупотребительного несовершенного: костыльнуть, терануть, теребнуть, затурнуть (заслать далеко).

Неслова. Поскольку в Советском Союзе есть нелюди (опальные, зэки), а также неписатели (Солженицын среди них), постольку — совершенно логично — там имеются не слова. Блатарь или урка (уголовник), «бокс» (коробка, в которую втискивают человека), БУР (барак усиленного режима — карцер в лагере), вертухай или попка (тюремный надзиратель), воронок или черный ворон (фургон для арестованных), вышка (расстрел), ГУЛАГ (Главное управление лагерей), «девять грамм» (пуля), досрочка (досрочное освобождение), зэк (заключенный), капнуть (донести), кондей (карцер), «костыль» (тюремный паек хлеба), кум или опер (оперативный уполномоченный, начальник осведомителей), намордник (щит закрывающий тюремное окно), ОСО (Особое совещание, тайный орган полиции выносящий приговоры), «пайка» (паек хлеба), придурок (уклоняющийся или непригодный к физической работе), расколотся (подписать бумажку о «сознании»), соцвред («социально-вредный элемент»), строгач (строгий карцер), стукач (осведомитель), шалашовка (лагерная сожительница), шмон (обыск). Эти и сотни других блатных слов и полицейских терминов составляют советский тюремно-лагерный язык. На нем говорили и говорят миллионы заключенных. Эти слова известны миллионам «вольных». Они существуют в жизни, но отсутствуют в словарях, изданных в СССР. Они — неслова. В произведениях Солженицына имеются сотни «неслов» собранных автором в лагерях и тюрьмах, где он был. Правда, некоторые слова тюремно-лагерного жаргона старого происхождения даются в советских словарях с ограничительными пометами. Например: «Карцер — помещение для временного одиночного заключения лиц, провинившихся в чем-либо (в тюрьмах... до революции)»; «Параша... (дореволюционное тюремное аргю), большое ведро в тюремной камере...»; «Доходяга — о предельно ослабевшем, изможденном, обессиленном человеке, ... (в просторечии)».

Словопроизводство Солженицына имеет, я бы сказала, консервативный характер. Автор не отступает от существующих словарных традиций и идет путем уже до него протоптанным многими русскими писателями. Он пользуется словообразовательными, более или менее продуктивными, моделями. Мне кажется, было бы ошибкой рассматривать его «новые слова» как каприз автора или как «словечки на случай», которые так сказались, и вот по каким причинам: 1. Эти слова есть результат сознатель-

ного языкового образования для оживления малокровного современного языка. 2. Многие из этих слов автор повторяет в нескольких своих произведениях. 3. Именно эти слова и делают его язык солженицынским и неповторимым. Его далевскую приверженность к народному языку можно приветствовать или порицать, в зависимости от вкуса читателя. Но Солженицын не реформатор, он не навязывает своих слов читателю. Наоборот, он предлагает «осторожное словарное расширение: продуманное употребление (в авторской речи) таких слов, которые хоть и не живут в современном разговорном языке, но . . . могут прийтись по нраву говорящим, . . . и так вернуться в язык».¹¹

Сердечно благодарю профессора Б. Г. Унбегауна за просмотр статьи в рукописи и ценные замечания.

¹¹«Не обычай . . .», там же.